

ИМЯ ЛИЧНОЕ КАК ЗНАК СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДА В ИНОЯЗЫЧНОМ СОЦИУМЕ

Предметом рассмотрения настоящей статьи являются особенности функционирования личных имен иммигрантов в англоязычной среде полиэтнического социума США. Их имятворчество приобретает различные формы и определяется степенью социализации и мотивации.

Формирование американской нации было обусловлено тем, что она постоянно обновлялась, вбирая в себя иммигрантов, представлявших собой разные этнические группы. В процессе исторического развития они попадали в общий “плавильный котел”, создавая, по словам крупнейшего американского поэта Уолта Уитмена, “нацию наций”: “Here (in these States) is not merely a nation but a teeming nation of nations” [Цит. по: Adamic, 1945: 1].

Этническое своеобразие личного имени довольно устойчиво. Несмотря на большую продолжительность времени проживания в США, выходцы из разных стран иногда сохраняют в англоязычной американской среде свои традиционные личные имена, поэтому в американской культуре встречаются имена, не утратившие свой национальный колорит. Они легко ассимилировались и часто употребляются вне соответствующих этнических групп, например: немецкие имена Bruno (м.), Claus (м.), Otto (м.), Irma (ж.); итальянские – Amerigo (м.), Antonio (м.), Lorenzo (м.), Elma (ж.); испанские – Dolores (ж.), Juan (м.), Juanita (м.), Mercedes (ж.), Ramon (м.), Rodrigo (м.); французские – Antoine (м.), Beau (м.), Belle (ж.), Blanche (ж.), Jacqueline (ж.), Odile (ж.); скандинавские – Axel (м.), Karen (ж.), Olaf (м.), Sven (м.); русские – Boris (м.), Nina (ж.), Tatiana (ж.), Natasha (ж.), а также другие иностранные имена.

В пользу вышеизложенного говорят следующие словарные статьи из лексикографических источников.

“Otto. A German name. Some English speakers took up the name in the 19th century, but it has been rare in the UK from the early 20th, although maintained in the US until the 1940s by German immigrants” [Room, 1995: 252].

“Bruno (m.). German and English. Its use in the English-speaking world, which dates from the end of the 19th century, may have been partly influenced by Lewis Carroll’s ‘Sylvie and Bruno’ (1889), but more probably it was first used by settlers of German ancestry in the United States” [Hanks, Hodges, 1996: 49 – 50].

“Amerigo (m.) Italian: Its most famous bearer was Amerigo Vespucci (1454 – 1512), the Italian explorer and geographer who gave his name to the continent of America, it is sometimes used among Italian Americans in his honour” [Ibid.: 16].

Однако, под влиянием англоязычной среды американского общества в антропонимиконе иммигрантов возникают трансформации: попадая в стихию англо-саксонского именика, этнические личные имена меняются или подвергаются определенным изменениям в соответствии с нормами английского языка.

Смена имени осуществляется либо под давлением доминирующей культуры/социума, либо добровольно. Подобная практика получила широкое отражение в автобиографической литературе иммигрантов. Так, иммигрант из Словении вспоминает: “She left as Minka, and arrived as Mary” [Paternost, 1981: 78]. Приведем еще один пример: “My name is Danica; but everyone calls me Donna. I often wonder: Is it really me they call, or see, or know? Is it really true that which we call a Rose by any other word would smell as sweet?” [Ibid.: 79]. Представляет интерес замечание по этому поводу еще одного иммигранта: “Their (immigrants’) names had become emasculated and devoid of either character or meaning. Mordecai – a name full of romantic association – had been changed to the insipid monosyllable Max. Rebecca – mother of the race – was in America Becky. Samuel had been shorn to Sam, Abraham to Abe, Israel to Izzy. The surprising dearth of the precious words betrayed a most lamentable lack of imagination. Whole battalions of people were called Joe; the Harrys alone could have repopulated Vaslui; and of Morrisises there was no end. With the women-folks matters went even worse. It did not seem to matter at all what one had been called at

home. The first step to Americanization was to fall into one or the other of the two great tribes of Rosies and Annies" [Ravage, 1977: 78].

Данные контексты наглядно показывают, что трансформированное имя оказывает непосредственное влияние на идентичность индивида, на восприятие собственного "я". Со сменой имени утрачивается определенная связь со своей оригинальной этнокультурой, семейными традициями имятворчества, эстетическими ценностями, ассоциациями, т.е. со всем тем, чем может наполняться содержание имени человека на протяжении его жизни до иммиграции в США.

Некоторые иммигранты добровольно сменяют свои этнические имена на англо-саксонские, тем самым заявляя о желании сформировать американскую идентичность и социализироваться в новом обществе. Примером этого может служить имя известного современного американского писателя, биографа, журналиста и историка французского происхождения Теда Моргана (Ted Morgan, род. в 1932 г.). В своей автобиографической повести "On Becoming American" он рассказывает о поиске своей идентичности, уделив большое внимание проблеме смены имени и посвятив этому значительную часть своего повествования [Morgan, 1978].

Настоящее имя Теда Моргана – Sanche de Gramont (полный вариант – Le Comte граф Sanche Armand Gabriel de Gramont), которое отчетливо манифестирует этнокультурное, а также аристократическое происхождение его носителя. Он является сыном графа Габриеля Антуана Армана де Грамона (Gabriel Antoine Armand, Comte de Gramont, 1908 – 1943 гг.), французского дипломата, героя французского сопротивления, предки которого связаны с династией Ротшильдов. При рождении Теду дают имя Sanche (Санш), выбранное из ограниченного именованного списка аристократического характера: "My given name was Sanche, chosen from the limited fund of family names, most of them forbidding, like Agénor, Gratien, and Corisande" [Ibid.: 15]. Оно представляет собой сокращенный вариант имени Saint Charles и галлицизированную модель испанского имени Sancho (из латинск. Sanctus – святой), отражающие франко-испанское происхождение семьи: "It was actually a shortened version of Saint Charles, and a Gallicized version of Sancho, hearkening back to the Gramont family's origins in a Franco-Spanish border region" [Ibid.: 15].

В 1954 г. Санш де Грамон окончил Йельский университет, затем работал репортером, женился на американке и, являясь гражданином Франции, периодически печатался в Америке, используя свое этническое имя. Статьи, которые он писал на английском языке, очень скоро стали широко известны в стране. "One of the problems I had when I started to write professionally was that I had a French name and a French passport, and yet I wrote in American English" [Ibid.: 27].

В этот период времени у него появляется ощущение двойственной идентичности: "The irony was that I had come back to America to be a newspaperman, but somehow I could never get away from France. There was no way to escape my dual identity. I would always, it seemed, straddle the Atlantic, with one foot in the Hudson and one foot in the Seine, testing the water" [Ibid.: 60]. Далее в своих воспоминаниях он пишет: "I was not quite French and not quite American. I had a French passport, but I worked for an American magazine and wrote books for an American publisher and an American audience. My French family thought of me as more American than French. My friends thought of me as mixed up. What was I?" [Ibid.: 63].

Постепенно Санш начинает все более отчетливо идентифицировать себя с американской культурой: "America was a high-priced contemporary. It was a young country, still taking risks, still bubbling. I wanted to live in a country that was still having growing pains. I wanted the prospect that is held out to all immigrants, of unlimited possibilities and a better future. I wanted to assume a new identity and leave behind, along with my name and my nationality, an un-lived European future" [Ibid.: 66]. В этой связи он придает огромное значение имени, которое, по его мнению, определяет национально-культурную принадлежность индивида и его место в социальной структуре общества. Все эти аспекты являются важными маркерами идентичности индивида: "I felt that if I changed my name I would be cured of an infirmity. It was a name that identified me by national origin and designated my membership in a social class" [Ibid.: 67].

Еще в юности, во время учебы в университете, а позже в начале журналистской карьеры Санш постоянно испытывал неудобства в использовании своего оригинального имени: оно было непонятно и чуждо по звучанию англоязычным коллегам, его искажение постоянно напоминало ему об иностранном происхождении. "Once I came to the United States it became less a name than a cross I had to bear. I answered to Cinch, Sanchee (rhymes with banshee), and Saunch (rhymes with paunch). Every time I heard my name called I was reminded of my foreignness" [Ibid.: 15]. Сотрудники редакции даже стали называть его просто Jake (вариант имени Jack, а также гипокористическая форма имени Jacob): "My coworkers informed me that they had no intention of trying to cope with a tongue-twister like that and would call me Jake" [Ibid.: 15]. И именно в то время Санш понял, что хотел бы иметь простое и обычное американское имя: "It was then that I first felt the pleasure of having a name that was truly common" [Ibid.: 15].

Спустя многие годы, став известным в США под своим этническим именем, Санш де Грамон переезжает на постоянное местожительство в США и сменяет оригинальное имя, тем самым заявив о своей американской идентичности. Для него смена имени – это часть процесса, заключающегося в том, чтобы социализироваться в новом социуме и стать американцем: "It was part of becoming American" [Ibid.: 4].

Как и раньше, он хотел такое имя, которое бы не выделялось из общего американского антропонимикона, было бы распространенным, легко произносимым и никак не соотносило бы его с этносоциальным происхождением: "I wanted a common name, a name the phone book was full of, a name that obscured my ethnic and class origins, a name that conformed with the language and the cultural norms of American society, a name that telephone operators and desk clerks could hear without flinching" [Ibid.: 67].

Он решает, что новое американское имя должно представлять собой анаграмму, созданную из фамилии de Gramont: "I decided that my new name should be an Americanized rearrangement of the letters in my old name. The ingredients were the same, but the product was new and improved. I did not want to pick a name out of thin air, but to operate within the boundaries, the letters of my last name. My commonplace American name would have a hidden link with my old name. I would recycle the old name" [Ibid.: 67 – 68].

Таким именем становится Ted Morgan. Данный контекст показывает, что в смененном анаграммном имени, типичном для американского именика и не являющимся маркером этнического и классового происхождения, содержится латентная связь его носителя с лингвокультурноэтническим и семейным наследием, несмотря на то, что Тед заявляет о своей новой идентичности.

Об этом имени Тед Морган говорит следующее: "I felt that Ted Morgan was forthright and practical, incisive and balanced. He was someone you could lend your car to. He would return it with a full tank of gas. Dogs and small children liked him. Editors knew that if he was not always brilliant, he was on time. Women liked his 'I have understood you' approach" [Ibid.: 68]. По его мнению, имя может отражать определенные черты характера человека: надежность, дружелюбие, общительность.

Следовательно, для автора два имени означают две идентичности, два разных человека: "I feel that Ted Morgan and Sanche de Gramont are two different persons" [Ibid.: 206]. Санш де Грамон – репортер американского журнала "New York Herald Tribune", единственный корреспондент французского происхождения, получивший престижную Пулитцеровскую премию по журналистике, а Тед Морган – человек, принявший гражданство США и блистательно продолживший свою карьеру, написав биографии Уинстона Черчилля, Франклина Рузвельта, Сомерсета Моэма и став историком, изучающим первые американские поселения. Для Санша де Грамона принятие смененного имени становится важным моментом в его становлении как "нового человека", в определении новой идентичности и восприятии ее самим собой и окружающими. Имя также служит знаком его социализации в американском социуме. Брат Теда Пэт, работающий психоаналитиком, узнав о том, что Санш сменил имя, говорит следующее: "Your name is like a part of your body; it is bound up with the development of your psyche. It is an abbreviated way of stating your relationship to your family and your society" [Ibid.: 70].

Тед Морган высказывает важную мысль о том, что смена имени является частью культуры американского социума, обычным явлением: "Name-changing is as American as a basketball hoop over

a garage door, as green money, as sliced bread, as competitive overeating. It's one of the overlooked freedoms. In America, changing your name is part of the culture" [Ibid.: 75 – 76].

Изученный материал наглядно демонстрирует, что одним из первых шагов иммигрантов к социализации в иноязычном социуме является стремление приблизить свои имена к именам окружающего англоязычного населения США. Их имена определяют степень социализации и лингвокультурной адаптации, а также поиск идентичности их носителей в новом сообществе. Адаптация или смена этнического имени, возникающие либо под давлением преобладающей англо-саксонской культуры, либо в соответствии с личным выбором иммигранта, либо в сочетании первого и второго, являются важным знаком изменения идентичности индивида – перехода от идентичности иностранца к идентичности американца, что манифестирует перемену отношения к культуре, в которой он живет, модели его межличностного взаимодействия с окружающими. В данном случае имя рассматривается как речеповеденческая категория.

Антропонимическая трансформация – это необязательно преднамеренная попытка скрыть свое этническое происхождение. По всей вероятности, это способ устранить коммуникативные проблемы, возникающие в иноязычной среде, представители которой не могут правильно произносить/использовать имена, характерные для другой культуры. С одной стороны, чем больше изменений иммигранты вносят в свои имена, тем больше степень их социализации в новом социуме, тем больше они теряют связь с оригинальной этнокультурой, и тем менее надежным маркером этнокультурной идентичности становится новое имя. С другой стороны, создание адаптированного имени является попыткой иммигрантов сохранить часть своей оригинальной идентичности, отражающей их язык, культуру, историю, семейные традиции.

Индивид может сохранять свою оригинальную идентичность до тех пор, пока представители данного социума уважительно и толерантно относятся к целостности и нетронутости этнического имени.

Таким образом, под социализацией посредством имени понимается возможность выбора имени на уровне присвоения, его варьирования или смены в родной и иноязычной среде, а также в условиях коммуникации, которые социально и политически детерминированы, что дает возможность индивиду стать полноценным членом данного лингвоэтнокультурного сообщества.

Литература

1. Гарагуля С.И. Антропонимические трансформации и идентичность индивида. – М : МАКС Пресс, 2008 – 136 с.
2. Комова Т.А. Введение в сопоставительную лингвокультурологию: Великобритания и Россия. Курс лекций – М : URSS/Книжный дом «Либроком», 2010. – 128 с.
3. Adamic L. A Nation of Nations – N Y , L : Harper and Brothers Publishers, 1945. – 400 p.
4. Hanks P., Hodges F. A Dictionary of First Names. – Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1996. – 444 p.
5. Morgan T. On Becoming American. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1978. – 336 p.
6. Paternost J. Aspects of Name Changes Among American Slovenes // Slovene Studies. Vol. 2, No 2, 1981. – P. 78 – 84
7. Ravage M.E. An American in the Making. The Life Story of an Immigrant – N.Y., L.: Harper and Brothers Publishers, 1977. – 266 p.
8. Room A. Dictionary of First Names. – L.: Cassell, 1995. – 336 p.